

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Зингис Кристина Александровна

**Пресса раннего ГУЛАГа (1924–1941 годы): газеты
«Новые Соловки» и «Перековка» (сравнительный контент-анализ)**

Специальность 5.6.5. Историография, источниковедение, методы
исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2026

Диссертация подготовлена на кафедре исторической информатики исторического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Научный руководитель – Гарскова Ирина Марковна,
доктор исторических наук, доцент

Официальные оппоненты – Владимиров Владимир Николаевич,
доктор исторических наук, профессор,
Алтайский государственный университет,
Институт истории и международных
отношений, кафедра отечественной истории,
профессор

Суржикова Наталья Викторовна,
доктор исторических наук,
Балтийский федеральный университет имени
Иммануила Канта, Институт гуманитарных и
социальных наук, директор

Тихонов Виталий Витальевич,
доктор исторических наук,
Институт российской истории Российской
академии наук, Центр «Историческая наука
России», ведущий научный сотрудник

Защита диссертации состоится 12 октября 2026 года в 14:00 на заседании диссертационного совета МГУ.056.1 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, ауд. А-419.

E-mail: ot-dissovet.hist@org.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/4059>

Автореферат разослан «____» _____ 2026 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

О.В. Белоусова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность темы исследования.

Исследование, посвященное анализу содержания лагерной прессы 1920–1930-х гг., затрагивает одну из важнейших и одновременно наименее разработанных тем в рамках изучения советской репрессивной системы. История ГУЛАГа остается не только актуальной, но и методологически перспективной областью: она требует постоянного уточнения, расширения источниковой базы и переосмысления на пересечении политической, социальной и культурной истории. Газеты, создававшиеся внутри лагерей, в том числе с участием самих заключенных, долгое время оставались на периферии научного внимания, уступая месту более традиционным источникам – официальной документации, воспоминаниям, статистике. Между тем печатные издания, выпускавшиеся в местах заключения, позволяют заглянуть в микромир лагерной повседневности, где под жестким контролем и в условиях цензуры формировался особый язык, особая символическая реальность.

Данное исследование является прежде всего попыткой восполнить лакуны в истории повседневности заключенных и через изучение крупных массивов газетных публикаций уловить смещение смысловых трендов и изменение взглядов руководства страны на цели и задачи пенитенциарной системы. Через сравнительный анализ текстов прессы и корпуса эго-документов возможно не только реконструировать трансформацию официального дискурса – от экспериментального культурного пространства к инструменту прямой идеологической мобилизации, – но и зафиксировать разрывы между этим дискурсом и реальным опытом лагерной жизни. Такое сопоставление делает возможным выявление тонких механизмов адаптации, сопротивления и внутренней рефлексии заключенных в условиях репрессивной системы.

Таким образом, исследование выходит за рамки локального сюжета и вносит вклад в более широкую проблематику: как внутри тоталитарного

режима конструировались образы «новой жизни», как они принимались или отвергались, какое место в этом процессе занимали лагерные газеты – одновременно инструменты власти и артефакты эпохи. Источники мемуарного характера выступают в качестве противовеса для изучения материалов официальной печати.

Научная значимость темы заключается в том, что до настоящего времени в историографии отсутствуют специальные исследования, в которых проводился бы компьютеризованный анализ прессы нескольких лагерных систем, существовавших последовательно, с целью выявления смысловых тенденций содержания изданий и экстраполяции полученных результатов для оценки взглядов руководства страны на цели и задачи пенитенциарной системы в целом.

Актуальность темы обуславливается тем, что методология исследования материалов прессы (особенно подцензурной) и эго-документов с помощью инструментов компьютеризованного анализа и их сравнения является недостаточно разработанной. В ходе изучения публикаций и воспоминаний узников и их сравнительного анализа были выявлены наиболее подходящие решения и программные инструменты для максимального повышения информационной отдачи источника, что открывает новые возможности применения метода контент-анализа. Кроме этого, механизм «перековки» заключенных в «нового советского человека» с помощью таких инструментов идеологического воздействия, как лагерная пресса, является недостаточно изученным в отличие от, например, методов экономического стимулирования, а применение контент-анализа открывает возможности для оценки истинной эффективности подобных подходов и их целей.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются материалы газет «Новые Соловки» (Соловецкий лагерь особого назначения), «Перековка» (Беломорско-Балтийский лагерь и Дмитровский лагерь) и воспоминания узников Соловецкого лагеря особого назначения. Предмет изучения – это отражение в содержании газет, воспоминаний и

сопутствующих материалов трансформации взглядов советского руководства на цели и задачи пенитенциарных учреждений, на роль труда заключенных в строительстве социализма и на возможность создания «нового советского человека»¹ из осужденного путем пропаганды, системы перевоспитания и, в первую очередь, жесткой эксплуатации его трудовых ресурсов.

Хронологические рамки исследования включают в себя период существования газет трех лагерных систем – Соловецкого лагеря особого назначения (1922–1937), Беломорско-Балтийского лагеря (1931–1941) и Дмитровского лагеря (1932–1938), то есть с 1922 по 1941 гг.

Территориальные рамки исследования связаны с его объектом и предметом и определяются теми регионами страны, где располагались отделения Соловецкого лагеря особого назначения, Беломорско-Балтийского и Дмитровского лагерей (современные территории Соловецкого архипелага, Архангельской области, Карелии, Ленинградской, Тверской, Московской областей).

Цель и задачи исследования. Целью исследования является проведение на основании осуществленного контент-анализа статей лагерных периодических изданий и корпуса эго-документов бывших узников реконструкции приемов освещения вопросов лагерной жизни и особенностей трансформации взглядов руководства страны на цели пенитенциарных учреждений, на возможность эксплуатации заключенных для строительства нового государства и формирования «нового советского человека» из

¹ Здесь и далее термины «новый советский человек» и *homo soveticus* употребляются для обозначения некоего архетипа человека, вобравшего в себя ряд идеологических установок нового советского государства и «перекованного» с помощью различных воспитательных конструктов, своеобразного продукта своей эпохи, поскольку на каждого человека неизбежно накладывают свой отпечаток жизненные обстоятельства и исторические события. При этом автор считает необходимым подчеркнуть, что в данной работе термин *homo soveticus* используется в том же смысле и не имеет такой саркастической и уничижительной оценки, как в произведении А.А. Зиновьева, где подобное наименование прозвучало впервые. Данные термины применены именно для констатации факта появления человека с некоторым набором характерных черт, присущих новому советскому социуму и актуальной политической ситуации.

осужденных и асоциальных элементов. В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие исследовательские задачи:

- сформировать полнотекстовые базы данных выявленных газетных материалов и воспоминаний, определить информационную ценность таких источников и разработать методику их анализа;
- установить наличие или отсутствие преемственности между тремя рассматриваемыми лагерными системами и их культурными пространствами, в которых существовали заключенные;
- определить роль лагерных газет и воспоминаний узников в формировании образа лагеря в информационном пространстве и значение лагерных печатных органов для жизни заключенных и их «перековки»;
- представить систему семантических категорий и индикаторов для выбранных источников, путем контент-анализа выявить их смысловое содержание и динамику взглядов руководства страны на пенитенциарную систему;
- объяснить изменения смысловых акцентов в «перековке» и создании «нового советского человека», способного служить делу строительства социализма, в лагерной печати и воспоминаниях.

Методологическая основа исследования представляет собой сочетание традиционных методов исторического и источниковедческого анализа с формализованными методами исследования текстов. В качестве общей методологической основы использованы положения И.Д. Ковальченко о специфике исторического источника как носителя явной и скрытой информации, о необходимости повышения его информационной отдачи посредством формализации, а также о взаимодополняющем применении историко-генетического, историко-сравнительного и историко-системного методов².

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Принцип историзма реализован посредством рассмотрения лагерной прессы в связи с изменениями структуры и функций Соловецкого, Беломорско-Балтийского и Дмитровского лагерей, государственной политики в отношении принудительного труда и представлений о задачах перевоспитания заключенных.

Историко-генетический метод использован для реконструкции трансформации лагерной периодики от «Новых Соловков» к «Перековке» и прослеживания смещения смысловых акцентов от культурно-просветительной проблематики к производственной мобилизации и «перековке» трудом.

Историко-сравнительный метод применяется на двух уровнях. Во-первых, сопоставляется содержание лагерной прессы разных периодов и лагерных систем, что позволяет устанавливать преемственность и изменения в тематической структуре, лексике и системе смысловых связей. Во-вторых, газетные материалы сопоставляются с воспоминаниями узников Соловецкого лагеря. При этом учитываются подцензурный и институциональный характер лагерной прессы, с одной стороны, и ретроспективность, индивидуальность авторского опыта и жанровая неоднородность эго-документов, с другой стороны.

Историко-системный метод позволяет рассматривать лагерную прессу как элемент системы взаимодействия администрации, культурно-воспитательной работы, организации принудительного труда и идеологического воздействия.

Основным формализованным методом исследования является компьютеризованный контент-анализ. Методологически работа опирается на подход к сочетанию источниковедческой критики с количественным и качественным анализом текста, представленный в исследованиях

И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкина³, А.Н. Петрова⁴, И.М. Гарсковой⁵. Принципиальное значение имеет установка на интеграцию качественных и количественных процедур: формализация не заменяет источниковедческую интерпретацию, а позволяет систематически проверять выводы на полном текстовом массиве. В исследовании эта установка реализована через создание полнотекстовых баз данных, разработку систем семантических категорий и индикаторов, кодирование текстов в программе MAXQDA, подсчет частот встречаемости категорий и анализ их совместной встречаемости. Количественные показатели интерпретируются с обязательным возвращением к контекстам соответствующих фрагментов текста.

Для исследования структуры смысловых взаимосвязей применены элементы сетевого анализа. На основе матриц совместной встречаемости кодов в диссертации строятся графы в программах UCINET и NetDraw, где узлами выступают семантические категории, а связи отражают частоту их совместного появления в тексте. Сопоставление структуры и силы этих связей по источникам и временным периодам позволяет выявлять изменение смысловых центров лагерного дискурса, в частности, положения категорий труда, строительства, пропаганды, культурно-воспитательной деятельности и «перековки».

Принципы научности и объективности реализуются через анализ максимально полного доступного массива источников, сопоставление результатов формализованного анализа с исходными текстами и взаимную проверку выводов на источниках различного происхождения.

³ Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986; *Он же*. Контент-анализ и проблемы изучения исторических источников // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М., 1986. С. 8–30; Бородкин Л.И., Ковальченко И.Д. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987.

⁴ Петров А.Н. Компьютерный анализ текста. Историография метода // Круг идей. М., 1996. С. 255–277.

⁵ Гарскова И.М. Новые тенденции в компьютеризованном анализе текстов: концепции, методы, технологии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 8 (41) // URL: <http://history.jes.su/s207987840001255-9-1> (дата обращения: 04.11.2018).

Такое сочетание методов позволяет выявлять устойчивые закономерности и динамику содержания, сохраняя источниковедческие ограничения при их исторической интерпретации.

Степень разработанности темы исследования. Поскольку исследование охватывает историю трех крупных пенитенциарных систем, изучение их печатных органов неизбежно требовало знакомства с их историей и систематизации обширной историографии.

История Соловецкого лагеря особого назначения (далее – СЛОН) изучена сравнительно хорошо. В его историографии можно выделить несколько предметно-проблемных областей, в частности: история лагеря, экономика, труд и организация лагеря, личности и биографии, воспоминания заключенных и др.

История СЛОНа как системы освещается в работах Ю.А. Бродского⁶, И.В. Герасимова⁷, Ю.М. Критского⁸, Д.Б. Павлова⁹ и др. В основном они посвящены бытовой стороне жизни заключенных и системе производств и командировок на Соловках. В отдельных случаях авторы концентрируют свое внимание на статистических данных и персоналиях. Серьезно выделяются работы А.А. Сошиной¹⁰, которая была одним из первооткрывателей темы. Доступ к уникальному собранию материалов позволил ей написать ряд работ, на которые могут опираться новые исследователи Соловецкого лагеря.

⁶ Бродский Ю.А. Соловки. Двадцать лет особого назначения. М., 2002.

⁷ Герасимов И.В. Нулевые. Степень. Письма. М., 2009. С. 58–64.

⁸ Критский Ю.М. Соловецкие острова в российской историографии XVIII–XX вв. // Поморская энциклопедия. В 5 т. Т. 1. История Архангельского Севера. Архангельск, 2001. С. 380–381; *Он же*. Из «Обзора освоения и использования Соловецких островов с древнейших времен до наших дней» – Соловки в эпоху социализма (1917–1940 гг.) // Поморский летописец: альманах. Вып. 1. Архангельск, 2002. С. 156–164.

⁹ Павлов Д.Б. Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ. 1923–1933 гг. // Линия судьбы: сборник статей, очерков, эссе. М., 2007. С. 333–348; *Он же*. Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ. 1923–1933 гг. // Репрессированная интеллигенция, 1917–1934 гг.: сборник статей. М., 2010. С. 320–403; *Он же*. «Выявлена система произвола и полного разложения»: материалы комиссии ОГПУ об условиях содержания заключенных в Соловецком лагере особого назначения. 1930 г. // Исторический архив. 2005. № 5. С. 65–83.

¹⁰ Сошина А.А. На Соловках против воли: судьбы и сроки, 1923–1939. М., 2014.

Экономическая система СЛОНа всесторонне освещена в работах М.В. Шульгиной¹¹.

Значительный пласт исследовательской литературы посвящен личностям заключенных и их воспоминаниям. Здесь и изучение персоналий, и публикации воспоминаний как источников, и научные работы биографического характера. Это обусловлено в том числе концентрацией выдающихся личностей, против воли собранных на островах¹².

Вопросам выхода СЛОНа на материк и его преемственности с Беломорско-Балтийским лагерем посвящены работы И.Г. Овчинниковой¹³ и М.Э. Коргановой¹⁴.

Историографию Беломорско-Балтийского и Дмитровского лагерей можно разделить на работы, посвященные истории самих лагерей как систем и структурных подразделений ГУЛАГа, и исследования, в которых изучаются культурные и бытовые условия лагерной жизни.

¹¹ Шульгина М.В. Динамика хозяйственно-производственной деятельности Соловецких лагерей особого назначения (1923–1937 гг.) // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 1. С. 95–101; Она же. Концепт «труд» в поэзии и фольклоре Соловецкого лагеря особого назначения (1923–1933 годы) // Общественные науки. 2010. № 4. С. 290–302; Она же. Концепт «труд» в языковой картине мира Соловецких лагерей // Поморские чтения по семиотике культуры. 2012. Вып. 6. С. 374–384; Она же. Принуждение и стимулирование труда заключенных в Соловецких лагерях особого назначения (1923–1933 годы) // ГУЛАГ на Севере России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Сыктывкар, 2011. Ч. 1. С. 51–55; Она же. Соловецкие лагеря особого назначения и лесная промышленность Европейского Севера России (1923–1933 годы) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 2. С. 129–134.

¹² См.: Волков О.В. Погружение во тьму. М., 2014; Мальсагов С.А. Адский остров: советская тюрьма на далеком Севере. М., 1990; Панев К.С., Рубцов А.М. Соловецкий лагерь в воспоминаниях Д.С. Лихачева // Экономика и социум. 2019. № 2 (57). С. 453–456; Прядко И.А. От Соловков до Забайкалья: жизнь и судьба П.А. Флоренского (1882–1937) – ученого, философа, богослова // Вестник Красноярского государственного университета. 2003. № 4. С. 52–57; Филатова А.И. Б.Н. Ширяев и «Неугасимая лампада» // Гумилевские чтения: материалы международной конференции филологов-славистов, 15–17 апреля 1996 г. СПб., 1996. С. 73–82.

¹³ Овчинникова И.Г. Соловецкий лагерь и начало ГУЛАГа в строительстве Беломорско-Балтийского канала. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 3 (7). С. 82–97.

¹⁴ Корганова М.Э. Стратегии выживания заключенных Соловецкого лагеря особого назначения (1929–1937 гг.) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 3 (7). С. 22–48.

В постсоветское время стали выходить публикации о строительстве лагерей и культурно-исторических феноменах лагерной повседневности¹⁵.

Авторы обращались к культурно-воспитательной работе, вопросам «перековки» заключенных и роли в этом процессе печатных органов. Проблема формулирования корректных методических подходов для изучения советских печатных СМИ остается по-прежнему актуальной. Журналы, газеты, листовки, издававшиеся в СССР в 1920–1930-х гг., активно привлекаются современными исследователями в качестве источников для рассмотрения различных аспектов политического, социального, культурного и экономического развития страны в указанный период¹⁶.

Значительный интерес для историков представляет лагерная печать, поскольку она дает возможность для изучения целого пласта советской действительности, отделенной от остальной жизни страны и имеющей при этом свою самобытную культуру, язык и особенности. Однако работ, посвященных подобным изданиям, крайне мало¹⁷.

¹⁵ См.: *Бурдин Е.А.* Роль заключенных Дмитровского ИТЛ в строительстве канала Москва–Волга в 1932–1937 гг. // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2011. № 3 (55). С. 16–20; *Гнетнев К.В.* Беломорканал: времена и судьбы. Петрозаводск, 2008; *Он же.* Карельская Голгофа: как строили Беломорканал. Петрозаводск, 2016; *Дмитриев Ю.А.* Беломорско-Балтийский водный путь: от замыслов до воплощения. Петрозаводск, 2003; *Макуров В.Г.* Основные вехи Беломорско-Балтийского канала // Вестник Карельского филиала РАНХиГС: сборник научных статей. Петрозаводск, 2012. С. 276–289.

¹⁶ См.: *Раздина Н.В.* Газета «За индустриализацию» как источник для изучения промышленной политики государства в годы первых пятилеток (опыт контент-анализа редакционных статей) // Историческая информатика. 2013. № 1. С. 41–60; *Кузнецова Е.* Журнал «Соловецкие острова» // Моряк Севера. 1989. 24 мая. С. 10–11; *Толкачев В.Ф.* Лагерная печать на Соловецких островах (журнал «Соловецкие острова») // Современное гуманитарное знание: актуальные проблемы. Материалы XI Ломоносовских научных чтений аспирантов, студентов и молодых ученых (Архангельск, 23 марта – 24 апреля 2009 г.) Архангельск, 2009. С. 112–116; *Мельник А.В.* Журнал «СЛОН» – «Соловецкие острова» (1924–1930) как источник для изучения темы «Соловецкие лагеря особого назначения» // Десталинизация сознания: проблемы и перспективы. Тезисы докладов межреспубликанской научно-практической конференции. Архангельск; Соловки, 1989. С. 65–67.

¹⁷ См.: *Горчева А.Ю.* Пресса ГУЛАГа (1918–1955). М., 1996; *Кузякина Н.* Театр на Соловках, 1923–1937. СПб., 2009.

Важность изучения лагерной печати как источника, содержащего в себе сведения об этой – скрытой ранее от глаз исследователей – стороне исторической действительности, давно признана научным сообществом. Но, к сожалению, исследований данной тематики с применением методики контент-анализа нет, хотя именно формализованный подход помогает эффективно выявить истинный смысл и ключевые тренды, которые крайне сложно обнаружить при эмпирическом изучении больших массивов данных.

Следует отметить, что источники, выбранные для настоящего исследования, ранее не подвергались столь подробному и комплексному изучению, хотя они имеют системообразующее значение для развития лагерной печати всего ГУЛАГа и проблема раскрытия их информационного потенциала остается исключительно значимой. В историографии также не ставилась задача оценки информационного потенциала лагерной печати в деле развития пенитенциарной системы советского государства и формирования «нового советского человека». Вместе с тем проблема воспитания такого человека неоднократно становилась предметом изучения в работах отечественных и зарубежных авторов¹⁸. В целом «новый советский человек», перекованный и переделанный из осужденного, из асоциального элемента, из сторонника старого строя и дореволюционного образа жизни, был важным элементом формирования идеального общества и строительства социализма. Именно такие задачи декларировались руководством лагерных органов печати. Для этого трудились корреспонденты и специалисты по культурно-воспитательной работе¹⁹. Отсутствие работ, посвященных изучению именно лагерной прессы с применением метода контент-анализа, делало каждое

¹⁸ См.: *Бородкин Л.И.* Механизмы «перековки»: стимулирование труда в раннем ГУЛАГе // Россия и современный мир. Проблемы. Мнения. Дискуссии. События. 2005. № 3 (48). С. 160–170; *Оличева О.А.* «Перековка» ГУЛАГом. Деятельность культурно-воспитательных частей в советских лагерях. Конец 1920-х – 1941 г. // Наше Отечество. Страницы истории: сборник научных статей кафедр истории России, средних веков и нового времени и новейшей истории России. Вып. 2. М., 2003. С. 99–105; *Хеделер В.* Как в ГУЛАГе воспитывали нового человека: перековка новых людей в газете «Путевка» // Родина. 2011. № 1. С. 131–132.

¹⁹ *Оличева О.А.* Указ. соч.

исследование с применением данного метода для изучения прессы особенно ценным. Поэтому было важно проанализировать все работы, авторы которых применяли в своих исследованиях актуальные программные решения и междисциплинарный подход²⁰. Работ, в которых метод контент-анализа применялся для изучения воспоминаний²¹, категорически мало, что требовало разработки собственных подходов. Следует отметить, что в целом круг работ по данной тематике незначителен²².

Источниковая база исследования состоит из четырех групп источников. Во-первых, это материалы периодической печати (газеты «Новые Соловки»²³ и «Перековка»²⁴). Во-вторых, источники личного происхождения

²⁰ См.: *Горобий А.В.* Количественный контент-анализ периодической печати как источника по истории отношений СССР и ФРГ 1985–1991 // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 54–71; *Митрофанов И.В.* Россия в отражении итальянской прессы в конце 1990-х гг.: контент-анализ газетных публикаций // Информационный бюллетень АИК. 2012. № 38. С. 95–96; *Раздина Н.В.* Компьютеризованный анализ материалов газеты «За индустриализацию» (опыт работы с программой MAXQDA) // Информационный бюллетень АИК. 2014. № 42. С. 93–95; *Она же.* Первые пятилетки: промышленная политика СССР в отражении газеты «За индустриализацию». М., 2016; *Федорук А.С.* Опыт компьютеризованного контент-анализа газеты «Крымский вестник» // Информационный бюллетень АИК. 2014. № 42. С. 100–102; *Солощенко Н.В.* Многотиражная печать как источник по изучению процесса формирования «нового человека» в советской промышленности первых пятилеток // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 3. С. 106–117; *Она же.* Многотиражная газета «Бабаевец» как источник по истории пищевой промышленности СССР в годы первой пятилетки (опыт контент-анализа и сетевого анализа) // Историческая информатика. 2021. № 2. С. 1–23.

²¹ *Минаева А.П.* «Наивные» мемуары В.М. Малькова: опыт контент-анализа // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001. С. 29–42; *Горецкая Е.М.* Гендерные особенности восприятия ГУЛАГа: сравнительный контент-анализ устных и письменных воспоминаний // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 6. С. 158–173; *Она же.* Память о ГУЛАГе в воспоминаниях заключенных: гендерный и хронологический аспекты контент-анализа // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 3. С. 1–18; *Она же.* Сравнительный контент-анализ мемуаров репрессированных: гендерный аспект // Историческая информатика. 2022. № 1 (39). С. 108–127; *Гарскова И.М., Симонженкова Е.М.* О формализованной методике анализа комплексов мемуарных источников // Историческая информатика. 2019. № 1 (27). С. 169–188.

²² *Гарскова И.М.* Историческая информатика как профессиональное сообщество: контент-анализ полнотекстовой базы по материалам конференций 2000–2010 гг. // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 44–53; *Она же.* Новые тенденции в компьютеризованном анализе текстов: концепции, методы, технологии.

²³ Новые Соловки. 1925–1930 [полная подшивка газет] // Архангельская областная научная библиотека имени Н.А. Добролюбова.

²⁴ Перековка. 1932–1937 [полная подшивка газет] // Научная библиотека ГА РФ. Газетный фонд ГУЛАГ.

– воспоминания бывших заключенных СЛОНа²⁵. В-третьих, партийно-правительственные постановления по вопросам развития СМИ и истории ГУЛАГа²⁶. В-четвертых, публицистические тексты, в которых сравниваются советская и дореволюционная пенитенциарные системы, рассматривается своего рода технология «перековки»²⁷. Из этих четырех групп главными являются обе газеты и эго-источники.

Газета «Новые Соловки», выходившая в Соловецком лагере с 1925 по 1930 г., – уникальный пример ранней лагерной журналистики и важнейший источник по истории ГУЛАГа. Это первое издание, выпускавшееся в пенитенциарных условиях, где наряду с официальной информацией публиковались тексты заключенных – представителей интеллигенции, что придавало публикациям литературную насыщенность. Газета освещала производственные реалии, культурные мероприятия, дисциплину и быт. Особую ценность представляет динамика издания: с усилением репрессивного режима меняется стилистика – от культурной направленности к идеологизированной риторике. Газета служит индикатором трансформации лагерной политики ОГПУ: от иллюзии культурной инициативы – к системе контроля и подневольного труда. Контент-анализ позволяет выявить как

²⁵ Воспоминания соловецких узников 1923–1927. Соловки, 2013. Т. 1; Воспоминания соловецких узников 1925–1928. Соловки, 2014. Т. 2; Воспоминания соловецких узников 1925–1930. Соловки, 2015. Т. 3; *Волков О.В.* Погружение во тьму. М., 2014; *Ширяев Б.Н.* Неугасимая лампада. М., 1991; *Клингера А.* Соловецкая каторга: записки бежавшего // Север. 1990. № 9. С. 108–112; *Глубоковский Б.А.* 49: материалы и впечатления. СПб., 2014.

²⁶ См.: *Кокурин А.И., Петров Н.В.* ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. М., 2000; *Кокурин А.И., Моруков Ю.Н.* Сталинские стройки ГУЛАГа, 1930–1953. М., 2005; *Смирнов М.Б., Охотин Н.Г., Рогинский А.Б.* Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923–1960: справочник. М., 1998; *Красильников С.А.* Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти. Постановления Политбюро ЦК ВКП(б). 1929–1930 гг. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 142–156; Канал Москва–Волга. 1932–1937: технический отчет. М.; Л., 1940.

²⁷ *Авербах И.Л.* От преступления к труду. М., 1936; *Кербер Е.* Как Советская Россия борется с преступностью. М., 1933; Учебка и культработа в тюрьме и на каторге: сборник статей и воспоминаний / Под ред. В.А. Плескова с предисл. А.П. Станчинского. М., 1932; *Зощенко М.М.* История одной перековки // Петербургский текст: сборник статей и публикаций. Вып. 2. Из истории русской литературы XX века. СПб., 2003. С. 173–203.

официальные нарративы, так и моменты, в которых звучат подлинные голоса заключенных.

Газета «Перековка», издававшаяся в Беломорско-Балтийском и Дмитровском ИТЛ в 1930–1937 гг., продолжает традицию лагерной прессы, но в условиях зрелой системы ГУЛАГа. В отличие от «Новых Соловков», она служит инструментом идеологического воздействия: продвигает идею перевоспитания через труд, стимулирует выполнение производственных норм и формирует образ «перекованного» заключенного. В издании преобладают материалы о трудовых достижениях, дисциплине, соревнованиях и моральной мобилизации. Несмотря на пропагандистский характер, «Перековка» дает представление о бытовом укладе, культуре, режимах питания и наказаниях. Она позволяет анализировать лагерную иерархию и систему управления. Газета отражает переход от культурного эксперимента к репрессивной институции, став ценным источником для понимания идеологической эволюции ГУЛАГа.

Воспоминания бывших заключенных СЛОНа, изданные в трех томах в XXI в., – ключевой нарративный источник, контрастирующий с официальной прессой. Эти тексты, созданные представителями интеллигенции, духовенства, политических деятелей, отражают внутреннюю сторону лагерной реальности: голод, насилие, страх, разрушение личности. Воспоминания охватывают широкий спектр тем – от философских размышлений до описания труда, наказаний, стратегий выживания и лагерной иерархии. Особое место занимает культурная жизнь: театры, кружки, научные занятия, которые сосуществовали с насилием. Эти свидетельства позволяют воссоздать сложную структуру лагерного социума и его внутреннюю логику, недоступную из формальных документов. Воспоминания являются необходимым дополнением к анализу лагерной прессы.

Научная новизна исследования состоит в том, что в результате решения исследовательских задач получено новое знание.

Во-первых, в полноценный научный оборот введены такие малоизученные исторические источники, как материалы лагерной прессы и эго-документы, разработана методика их сравнительного анализа с применением современных компьютерных программ, и осуществлена ее практическая апробация.

Во-вторых, методом компьютеризованного контент-анализа удалось доказать наличие преемственности между тремя изучаемыми лагерными системами не только по организационным и структурным показателям, но и по наличию общего идеологического дискурса и культурного пространства.

В-третьих, была доказана значительная роль лагерных газет в жизни заключенных, поскольку печатные органы были одновременно и единственным источником информации из мира за пределами лагерей, и инструментом идеологического воздействия для «перековки» заключенных, и социальным лифтом.

В-четвертых, удалось разработать систему семантических категорий и их индикаторов, которая наиболее полно охватывает лагерные реалии. Ее применение в ходе контент-аналитического исследования позволило обнаружить скрытые смысловые тренды в выбранных источниках и выявить динамику взглядов руководства страны на задачи исправительной системы.

В-пятых, в ходе работы удалось объяснить смысл выявленных в лагерной печати и воспоминаниях семантических связей и их значение для «перековки» и создания «нового советского человека», способного служить делу строительства социализма.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении историографического контекста изучаемой проблемы. В диссертации предлагаются методические наработки для работы с большими текстовыми массивами с помощью современных программных решений, а также для проведения сравнительного анализа материалов прессы и эго-документов.

Практическая значимость исследования сводится к формированию обширной коллекции оцифрованных номеров анализируемых газет и

апробации методики их анализа. Указанные материалы и результаты исследования могут быть использованы в ходе преподавания учебных курсов по источниковедению истории России, истории периодической печати, а также для реализации образовательных программ, ориентированных на обучение работе с оцифрованными историческими источниками и программами для контент-анализа.

Достоверность исследования обеспечивается широтой и репрезентативностью его источниковой базы, поскольку при составлении полнотекстовых баз данных выборка не проводилась, и верифицируемыми методами, которые автор применяет для изучения и анализа исторических источников. Примененная методология, сочетающая традиционные исторические методы с количественными подходами, обеспечивает верифицируемость результатов, а согласованность выводов качественного и количественного анализа подтверждает устойчивость выявленных закономерностей.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение на кафедре исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Положения и результаты работы были изложены в 6 публикациях автора общим объемом 6,94 п.л., в том числе в 4 публикациях общим объемом 4,38 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура исследования организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, семи глав, две из которых разделены на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения. Общий объем диссертации составляет 280 страниц.

Положения, выносимые на защиту:

1. Информационный потенциал полнотекстовых баз данных материалов газет «Новые Соловки» и «Перековка» и воспоминаний заключенных позволяет изучать эти источники методом компьютеризированного контент-анализа и путем исследования языка лагерной прессы и эго-документов получать контрастную картину, с одной стороны, нормативных идеологических представлений о способах формирования «нового советского человека», а с другой стороны – реального опыта жизни в ГУЛАГе.

2. Системные и смысловые черты преемственности между Соловецким лагерем особого назначения, Беломорско-Балтийским и Дмитровским лагерями и их культурными пространствами существуют, что подтверждается эмпирическим и компьютеризованным анализом материалов прессы и корпуса эго-документов.

3. Лагерные газеты были для заключенных единственным источником информации о жизни в стране и о политической повестке. Они формировали понимание проводимого курса, доносили основные задачи, служили инструментом взаимодействия с администрацией, были социальным лифтом для заключенного. А воспоминания заключенных предоставляют возможность познакомиться с реальной лагерной повседневностью. Сопоставление этих источников дает более полную картину.

4. Метод компьютеризированного контент-анализа позволяет сформировать систему семантических категорий и индикаторов для созданных баз данных и благодаря этому отследить изменения приоритетов руководства страны относительно пенитенциарной системы. Работа одновременно с подцензурными газетными материалами и неоднородными эго-документами дает возможность описать ряд особенностей применения контент-анализа.

5. Газеты «Новые Соловки» и «Перековка» активно формировали образ «нового советского человека», которым должен был стать каждый заключенный. Однако выявленные в ходе контент-аналитического

исследования лагерных газет и воспоминаний семантические тренды и взаимосвязи свидетельствуют о том, что всё это было лишь идеологической ширмой для усиления эксплуатации человека ради мобилизационного развития страны.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы научная значимость и актуальность темы исследования, определены его объект и предмет, хронологические и территориальные рамки, сформулированы цель и задачи, раскрыта методологическая основа диссертации, охарактеризованы степень изученности ее темы и источниковая база работы, показаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, аргументирована его достоверность, приведены данные об апробации результатов диссертации, а также о ее структуре, указаны основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава – «Основные вехи истории Соловецкого лагеря особого назначения, Беломорско-Балтийского и Дмитровского лагерей и их печатных органов» – формирует общее понимание темы и дает представление об историческом фоне, на котором формировались, существовали и трансформировались анализируемые в работе источники. Описываются основные события, повлиявшие на историю этих лагерных систем, приводятся сведения о ключевых лицах, от решений которых зависела судьба лагерных периодических изданий, приводятся политические решения и называются события, повлиявшие на изменения в газетах «Новые Соловки» и «Перековка», а также нашедшие отражение в воспоминаниях соловецких узников.

Вторая глава – «Историография исследований, посвященных Соловецкому лагерю особого назначения, Беломорско-Балтийскому и Дмитровскому лагерям и особенностям применения контент-анализа для изучения материалов прессы и массивов эго-документов» – представляет собой обзор работ по исследуемой проблематике и раскрывает, как в

отечественной и зарубежной науке изучалась история отдельных лагерей – прежде всего Соловецкого, Беломорско-Балтийского и Дмитровского, – а также как анализировались такие специфические источники, как лагерная пресса. Глава выстраивает контекст для дальнейшего исследования, обозначает имеющиеся лакуны и оправдывает выбор методологических подходов.

Первый параграф – «Историография исследований, посвященных Соловецкому лагерю особого назначения», – содержит обзор литературы об этом лагере, который в работах по данной тематике рассматривается как начальное звено всей системы ГУЛАГа. В параграфе уделяется внимание как работам, сосредоточенным на институциональной и административной истории СЛОНа, так и исследованиям, в которых акцент сделан на человеческом опыте и свидетельствах заключенных. Показано, как менялось восприятие Соловков – от символа культурной альтернативы и эксперимента до предтечи жестокого лагерного механизма.

Во втором параграфе – «Историография исследований, посвященных Беломорско-Балтийскому и Дмитровскому лагерям», – рассматриваются работы, посвященные данным исправительно-трудовым структурам. Отмечается, что, несмотря на большое количество публикаций о строительстве каналов заключенными этих лагерей, их авторами уделялось сравнительно мало внимания повседневной жизни таких работников, особенно ее символической и медийной сторонам. Обращается внимание на то, как эти стройки становились не только экономическими, но и идеологическими проектами, где пресса играла важную роль в формировании образа заключенного как «перекованного» человека, нового *homo soveticus*.

В третьем параграфе – «Историография применения контент-анализа при работе с материалами прессы и массивами эго-документов» – анализируется опыт использования данного метода в целом в исторических исследованиях и конкретно – применительно к данным видам источников. Показывается, что этот популярный в общественных науках метод всё еще

ограниченно применяется в исторических исследованиях. Подчеркивается, что при изучении лагерной прессы, насыщенной идеологическими конструкциями и риторическими шаблонами, контент-анализ оказывается продуктивным инструментом для выявления смысловых изменений и скрытых взаимосвязей в текстах, формально подчиненных одной и той же логике.

Третья глава – «Источники и методы исследования прессы и воспоминаний заключенных раннего ГУЛАГа» – посвящена источниковой базе и методам ее анализа. Особое внимание в главе уделяется рассмотрению специфики лагерных текстов и воспоминаний как носителей неоднородной и подчас противоречивой информации о жизни заключенных. Источники рассматриваются не только с точки зрения их содержания, но и как самостоятельные культурные артефакты, формировавшие и отражавшие систему взглядов, представлений и норм лагерной среды. В главе не только систематизируется источниковая база исследования, но и обозначаются пределы возможного знания о ГУЛАГе, указывается на необходимость внимательного и критического прочтения любого текста, рожденного в условиях несвободы.

В первом параграфе – «Источниковедческий анализ газеты “Новые Соловки”» – это периодическое издание изучается как исторический источник. Подчеркивается уникальный статус газеты, представлявшей собой не только печатный орган, созданный под контролем администрации, но и площадку, где, несмотря на цензуру, проявлялись элементы внутренней дискуссии, ставились стилистические эксперименты, предпринимались попытки художественного самовыражения. Газета представляется не как непосредственное зеркало лагерной жизни, а как преломленная, выверенная версия реальности, в которой особенно важно то, что прочитывается завуалированно.

Во втором параграфе – «Источниковедческий анализ воспоминаний заключенных Соловецкого лагеря» – рассматриваются эти специфические эго-

документы. Показывается, что они отражают такой индивидуальный и коллективный опыт, как повседневный страх, усталость, попытки сохранить достоинство и человеческое лицо в тяжелых условиях заключения. Воспоминания анализируются не как простые свидетельства, а как особая форма рефлексии со всеми ее взаимосвязями между памятью и попытками осмыслить пережитое.

Третий параграф – «Источниковедческий анализ газеты “Перековка”» – посвящен этому органу, относящемуся к более позднему периоду и отражающему другую эпоху лагерной истории – этапу строительства масштабных инфраструктурных объектов с использованием труда заключенных. В параграфе доказывается, что в это время лагерная пресса уже полностью встроена в механизм идеологического принуждения и мобилизации, что делает ее особенно интересной для анализа динамики смыслов и изменений в языке данного пространства несвободы.

В четвертой главе – «Контент-анализ газеты “Новые Соловки”» – раскрывается применение данного метода для изучения этого издания – одного из самых неоднозначных и малоизученных печатных органов лагерной среды 1920-х гг. Внимание в главе сосредоточено не только на тематике публикаций, но и на их стилистике, интонациях, риторических стратегиях – на всём том, что позволяет понять, какую реальность эта газета не столько отражала, сколько конструировала.

Показывается, что анализ охватывает разные периоды существования газеты. Это позволяет проследить эволюцию редакционной политики и идеологических акцентов. Отмечается, что ранние выпуски обнаруживают стремление к созданию «лагерной нормальности» – пространства, в котором заключенные представлены как субъекты, подлежащие исправлению, но не лишённые человеческого облика. В текстах заметны попытки организовать культурную жизнь, в том числе театральную и литературную, осмыслить труд как путь к «новой» жизни, пусть и в рамках жесткой идеологической парадигмы.

В главе демонстрируется, что постепенно, по мере усиления контроля и изменения политического климата, газета все более трансформировалась в инструмент влияния на читателя. Увеличивается доля публикаций, посвященных ударному труду, нормам выработки, передовикам, осуждению «дезорганизаторов» и «трудовых лентяев». Лексика становится однообразной, а риторика – мобилизационной. Вместе с этим исчезает и сложность образа заключенного: он превращается либо в сознательного строителя социализма, либо во враждебный элемент, подлежащий исправлению или изоляции.

Подчеркивается, что внимательное чтение газеты позволяет уловить скрытые маркеры лагерной повседневности – нехватку еды, усталость, страх, скрытые конфликты.

Делается вывод, что «Новые Соловки» являются двойственным источником – одновременно порождением системы и ее слабым звеном, через которое проступает подлинная реальность лагеря.

Пятая глава – «Контент-анализ воспоминаний заключенных Соловецкого лагеря» – посвящена текстам, значительно отличающимся от официальной лагерной прессы как по интонации, так и по способу репрезентации лагерного опыта. В главе указывается, что в отличие от идеологически выверенных газетных публикаций, воспоминания дают возможность рассмотреть лагерную повседневность изнутри – через призму личного восприятия и субъективного переживания.

Отмечается, что тексты воспоминаний позволяют проследить, как в условиях насилия и постоянной неопределенности формировалась повседневная реальность заключенных. Центральное место в этих свидетельствах занимают темы страха, физического истощения, безнадежности, а также попытки сохранить достоинство в ситуации полной дегуманизации. Повседневные практики – работа, распределение пайков, взаимоотношения с надзирателями и другими заключенными – предстают как ключевые элементы существования в пространстве лагеря.

Особое внимание уделяется языку воспоминаний. Подчеркивается, что во многих текстах наблюдается стремление к художественному осмыслению собственного опыта: авторы прибегают к метафорам, иронии, цитатам, выстраивая повествование не только как акт памяти, но и как форму выживания, а язык становится средством возврата к субъектности, к собственной истории, вытесненной лагерным принуждением.

Отдельно анализируются суждения мемуаристов о лагерной прессе. В большинстве случаев ее изображают как инструмент внешнего насилия – форму контроля над сознанием, попытку навязать ложное представление о действительности. Воспоминания фиксируют разрыв между официальным нарративом и реальной жизнью, выявляя скрытые противоречия.

Делается вывод, что воспоминания представляют собой пространство сопротивления забвению. Они не столько дополняют газетную картину, сколько вступают с ней в полемику, позволяя увидеть лагерную реальность в ее противоречивой, травматической и подчас не поддающейся рациональному объяснению сути.

Шестая глава – «Контент-анализ газеты “Перековка”» – показывает использование этого метода при исследовании органа, продолжившего линию «Новых Соловков», но сформировавшегося уже в иной институциональной и идеологической среде. В главе внимание сфокусировано на текстах, создававшихся в условиях интенсивного использования труда заключенных на масштабных стройках первой пятилетки, прежде всего при сооружении Беломорско-Балтийского канала. Газета рассматривается как часть лагерного идеологического аппарата, функционировавшего не только через принуждение, но и через язык, риторику, символическое представление реальности.

Выявляется кардинальное изменение тональности издания по сравнению с ранней соловецкой прессой. В «Перековке» исчезают элементы внутренней полифонии, характерные для «Новых Соловков», – газета превращается в строго нормативное издание, в полной мере отражающее

установку на «перековку» через труд. Ее тексты насыщены производственными отчетами, списками передовиков, лозунгами и призывами, а также систематической критикой «отстающих». Идеологическая мобилизация в «Перековке» достигает максимума: труд представляется не просто обязанностью, а высшей формой исправления и превращения заключенного в «нового человека».

Отдельное внимание уделяется образу заключенного, транслируемому в материалах газеты. Этот образ почти полностью утрачивает индивидуальность, подменяется функцией: строитель, ударник, отстающий, саботажник. Подчеркивается, что так формируется новый тип лагерного субъекта – дисциплинированного, предсказуемого, встроенного в производственную машину.

Отмечается, что даже в столь жестко регламентированных текстах удастся зафиксировать внутренние противоречия. Прослеживается, как через оговорки, чрезмерно выверенные формулировки или повторяющиеся клише в текстах проступает реальность лагерной жизни – неустранимое присутствие страха, усталости, недоверия.

Делается заключение, что «Перековка» является документом эпохи, в котором, несмотря на подчеркнутую лояльность, присутствует внутренняя драмы лагерного существования.

Седьмая глава – «Сравнение результатов контент-анализа материалов лагерных газет “Новые Соловки” и “Перековка” и корпуса воспоминаний заключенных Соловецкого лагеря» – представляет собой финальный этап исследования и посвящена сопоставлению результатов задействования данного метода для изучения этих трех источников. Основное внимание в главе сосредоточено на методологических аспектах сопоставления текстов, созданных в кардинально разных коммуникативных, институциональных и дискурсивных условиях.

Указывается, что анализ проводился с использованием специализированного программного обеспечения, позволившего

структурировать корпус текстов по ключевым тематическим категориям: труд, культура, наказание, идеология, образ заключенного, язык власти и др. Для каждого источника была сформирована своя шкала релевантных смысловых маркеров, после чего осуществлялись сопоставление частотных показателей, контекста употребления, а также выявление уникальных и пересекающихся лексико-семантических полей.

Отмечается, что особенность такого сравнительного анализа заключалась в необходимости учитывать не только формальные характеристики текстов, но и их коммуникативную функцию, степень редакторского контроля и структуру предполагаемой аудитории. Газеты представляли собой организованные сверху формы высказывания, в то время как воспоминания – тексты, созданные в условиях большей свободы и с иным временным горизонтом. Отсюда объясняется необходимость гибкой адаптации методики анализа и осторожного обращения с количественными результатами: числовые показатели дополнялись качественным прочтением текстов и интерпретацией скрытых смыслов.

На основании сопоставления делается вывод, что «Новые Соловки» демонстрируют тематическое разнообразие и относительную открытость, тогда как «Перековка» выстраивает жесткую идеологическую вертикаль. В воспоминаниях, напротив, преобладает опыт травмы, депрессивного эмоционального состояния – того, что полностью вытеснено из лагерной прессы. Работа с этим корпусом потребовала разработки дополнительных категорий анализа и эмоционально-нагруженной лексики.

Подытоживается, что данная глава фиксирует методологическую продуктивность сопоставительного подхода к лагерной прессе и воспоминаниям. Сравнительный контент-анализ позволяет не только зафиксировать количественные и семантические различия между источниками, но и осмыслить более глубокие механизмы трансформации языка, памяти и идеологии в лагерных условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В **заключении** представлены итоговые обобщения и выводы по теме исследования в соответствии с поставленными задачами.

Во-первых, в ходе работы были оцифрованы и переведены в машиночитаемый вид материалы газет «Новые Соловки» и «Перековка», сформированы полнотекстовые базы данных по материалам прессы и трем томам воспоминаний узников Соловецкого лагеря особого назначения. Информационный потенциал выявленных источников оказался достаточным для решения поставленных задач. Одновременное изучение подцензурной лагерной печати, а также неоднородного корпуса эго-документов путем компьютеризованного контент-анализа позволило получить более полную картину лагерной повседневности и системы «перековки» узников и уточнить методологические подходы к работе с подобными источниками. Сравнительный анализ, совмещающий количественные и качественные параметры, выявил тематические и лексические различия, интонационные сдвиги, маркеры принуждения и следы молчания. Сопоставление полярных по содержанию источников одной исторической действительности позволило подобрать оптимальные подходы и программные инструменты для таких исследований.

Во-вторых, были выявлены системные и смысловые черты преемственности между Соловецким лагерем особого назначения, Беломорско-Балтийским и Дмитровским лагерями и их культурными пространствами. Эта преемственность проявлялась в организации лагерной жизни, функционировании печатных органов, а также в идеях и смыслах, транслировавшихся заключенным. Газета «Перековка» продолжила традицию лагерной печати, сформировавшуюся на Соловках, уже в иных условиях и с другими задачами. Вместе с расширением лагерной системы менялось и культурное пространство: от поддержки творческих начал, просвещения и культурно-массовой работы происходил переход к использованию печати и культурно-воспитательной деятельности как инструментов производственной

мобилизации и идеологического воздействия. В основе этой трансформации лежала общая идея – использование труда заключенных как ресурса строительства нового государства и средства их «перековки» в «нового советского человека». Воспитательная составляющая всё теснее связывалась с выполнением производственных задач и норм, с социалистическим соревнованием и ударным трудом. Это подтверждается эмпирическим и компьютеризованным анализом: смещение акцентов прослеживается в частотах категорий и структуре их семантических связей. Если в ранних «Новых Соловках» культурная, просветительская и творческая проблематика сохраняла самостоятельное значение, то в «Перековке» центральное место занимают труд, производство, строительство, соцсоревнование и дисциплина. Таким образом, изменение содержания лагерной прессы отражает развитие одной модели, в которой культурно-воспитательная работа постепенно подчиняется задаче максимального использования трудового ресурса заключенных.

В-третьих, исследование подтвердило значительную роль лагерной прессы в повседневной жизни заключенных. Газеты были для них практически единственным систематическим источником информации о жизни за пределами лагеря, о политической повестке и задачах страны. Через них транслировались официальные представления о происходившем в СССР, о труде, социалистическом строительстве, дисциплине и требуемых моделях поведения. Особенно хорошо это видно на материале «Новых Соловков»: газета была не только средством информирования и идеологического воздействия, но и каналом взаимодействия заключенного с администрацией. Через нее можно было обратить внимание на неправильно зачтенный срок, на проблемы с получением посылки, на условия содержания, поделиться наблюдениями и мыслями. Участие в работе редакции или статус лагерного корреспондента в отдельных случаях давали дополнительный паек, освобождение от тяжелых работ и возможность подняться по лагерной социальной лестнице. Если в «Новых Соловках» сохранялось пространство

для индивидуального высказывания и культурной инициативы, то «Перековка» была значительно сильнее встроена в систему производственной мобилизации и идеологического воздействия. Одновременно исследование показало ограниченность лагерной прессы для реконструкции реальной повседневности. Подцензурные материалы формировали управляемую и идеологически выверенную картину, где центральное место занимали производственные достижения, выполнение норм, социалистическое соревнование и «перековка». Воспоминания бывших узников показывают другую сторону той же реальности: голод, физическое истощение, страх, насилие, тяжелый труд, наказания, распределение пайков, отношения между заключенными и администрацией. Сопоставление выявляет существенное расхождение между официальным образом лагеря и личным опытом узников и позволяет рассматривать лагерную прессу как инструмент формирования управляемой, шаблонной и идеологически выверенной картины действительности. Сопоставление газет с эго-документами дает возможность частично преодолеть ограничения каждого типа источников и полнее представить лагерную повседневность.

В-четвертых, проведенное исследование подтвердило эффективность компьютеризованного контент-анализа при работе с большими массивами разнородных исторических текстов. Использование полнотекстовых баз данных и системы семантических категорий позволило отказаться от выборочного анализа и проследить изменение содержания источников на всем доступном массиве. Оценка частот категорий, их совместной встречаемости и сетей смысловых связей позволила выявить тенденции, трудно фиксируемые при последовательном чтении большого корпуса текстов. Результаты формализованного анализа проверялись возвращением к конкретным фрагментам и их контексту, что позволило сочетать количественные показатели с качественной исторической интерпретацией. Особенно важной стала апробация метода на разных по происхождению и функциям источниках – подцензурной лагерной прессе и неоднородном корпусе эго-документов.

Для каждого массива потребовалась собственная система категорий и индикаторов, поскольку прямое сопоставление таких текстов было бы методически некорректным. Сравнение проводилось на уровне содержательно соотносимых тематических областей, частотных тенденций и структуры смысловых взаимосвязей. Такой подход позволил выявить расхождения между официальным дискурсом лагерной печати и индивидуальным опытом заключенных и проследить изменения смысловых приоритетов внутри газет. Обнаруженные взаимосвязи и семантические тренды показывают переход от культурного и идеологического поиска к утилитарному подходу, при котором эксперимент по «перевоспитанию» уступает логике производственной мобилизации и экономической эффективности. Темы труда, строительства и дисциплины приобретают всё большее значение, тогда как культурно-просветительная составляющая подчиняется задаче использования трудового ресурса заключенных. Таким образом, компьютеризованный контент-анализ позволил зафиксировать эту динамику и показать изменение внутренней структуры лагерного дискурса и приоритетов пенитенциарной системы.

В-пятых, проведенное исследование показало, что газеты «Новые Соловки» и «Перековка» последовательно участвовали в формировании образа «нового советского человека», которым, согласно официальной риторике лагерной системы, должен был стать заключенный. В материалах прессы пребывание в лагере связывалось не только с преступлением, но и с необходимостью изменить прежние убеждения, отношение к государству, труду и своему месту в обществе. Коллективный труд, культурно-воспитательная работа, политическое просвещение и социалистическое соревнование должны были привести заключенного к исправлению и включению в строительство нового государства. Особенно отчетливо эта модель проявляется в «Перековке», где труд, строительство и пропаганда занимают центральное место, а сама газета рассматривается как инструмент «советской перековки лагерников». Однако результаты компьютеризованного контент-анализа показывают изменение содержания этой модели. Культурно-

просветительная составляющая все теснее подчиняется производственным задачам. В «Перековке» с ростом значимости категорий «Работа» и «Строительство» сохраняется высокий удельный вес пропагандистской лексики, тогда как категория «Культпросвет/Перековка» занимает более скромное место. Декларируемое перевоспитание всё отчетливее связывается с выполнением норм, дисциплиной, ударничеством, соцсоревнованием и строительством, а труд становится центральным содержанием идеи «перековки». Противоречие между заявленной моделью перевоспитания и лагерной реальностью особенно отчетливо выявляется при сопоставлении газет и воспоминаний. Если официальная пресса говорит о труде как средстве исправления и формирования нового человека, то в эго-документах с той же действительностью связаны физическое истощение, голод, страх, насилие, болезни, наказания и попытки выживания. Воспоминания позволяют увидеть то, что исключалось из газетной картины. Сопоставление этих источников дает основания рассматривать риторику «перековки» как идеологическое обоснование системы, в которой воспитательные и культурные задачи постепенно отступали перед необходимостью максимально использовать трудовой ресурс заключенных.

Таким образом, работа демонстрирует, что изучение лагерной прессы через призму повседневности и ее контрастное прочтение на фоне воспоминаний с применением формализованных методов контент-анализа позволяет по-новому взглянуть на начальный этап истории ГУЛАГа. Язык лагерной печати был не только способом описания, но и инструментом конструирования действительности: через него формировались нормативный образ заключенного, представления о допустимом поведении, ценности труда и идея «перековки». Результаты исследования также показывают всё более заметное расхождение между этой идеологической конструкцией и опытом лагерной жизни, зафиксированным в воспоминаниях.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях
Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. *Зингис К.А.* Мемуары узников Соловецкого лагеря особого назначения: результаты контент-анализа // Клио. 2020. № 10 (166). С. 13–26 (1,27 п.л.). EDN: YURSEI. Импакт-фактор 0,206 (РИНЦ).
2. *Зингис К.А.* Беломорско-Балтийский канал и канал Москва–Волга: историография строительства // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 1. С. 97–107 (0,74 п.л.). EDN: QJWZSM. Импакт-фактор 0,250 (РИНЦ).
3. *Зингис К.А.* Газета «Перековка» Беломорско-Балтийского и Дмитровского лагерей: эволюция лагерной прессы // Историческая информатика. 2024. № 1 (47). С. 73–87 (0,69 п.л.). EDN: PFJLPC. Импакт-фактор 0,312 (RSCI).
4. *Зингис К.А.* Соловецкий лагерь особого назначения. Историография исследований // Исторический журнал: научные исследования. 2026. № 3. С. 208–220 (1,68 п.л.). EDN: UHSGVS. Импакт-фактор 0,250 (РИНЦ).

Другие публикации по теме диссертации:

5. *Зингис К.А.* Публикации заключенных: контент-анализ газеты «Новые Соловки» (1925–1930 гг.) // Историческая информатика. 2015. № 3–4 (13–14). С. 45–55 (0,95 п.л.). EDN: WNDFPL.
6. *Зингис К.А.* Издательская деятельность заключенных: контент-анализ газеты «Новые Соловки» // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. 2016. № 15. С. 95–103 (1,61 п.л.) // URL: https://solovki-more.ru/book/almanax_list/15/ (дата обращения: 24.08.2026).